

Позоры

Сергей Лукьяненко
Алекс де Клемешье

УЧАСТКОВЫЙ

АСТ
Москва

часть

Превентивные
меры

Пролог

Снега обрушились на прошлой неделе. Добротные, высокие дома Светлого Клина так охотно нахлобучили мохнатые шапки, так надежно укутались одним на всех одеялом, что отсюда, с Подкатной горки, по отдельности их было и не разглядеть, а само село с верхотуры напоминало брошенную в сугроб длинную гирлянду. Правда, сияла гирлянда кое-как: там густо — тут пусто, та лампочка едва-едва светит, а эта, похоже, перегорела. Хоть и не сказать, что время позднее — просто ложились в селе рано.

Слева, в чаще, гулко треснуло прихваченное морозом дерево. Коротко оглянувшись, Николай подул на озябшие ладони. И в тот момент, когда облачко пара поднялось над горстью, почудилось сквозь него движение — будто птица мелькнула во тьме. А может, всего лишь одна из придавленных мохнами снега еловых лап освободилась от груза, распрямилась стремительно и бесшумно. Николай замер, прислушался. Встрепенувшись и помотав головой, снова попытался отогреть дыханием пальцы. Надо же было растяпе рукавицы забыть! Вот доедет он до Катюхи — а как обнять такими ледышками?

«Ну, передохнул — и вперед!» — скомандовал он себе, перехватил лыжные палки посподручнее, оттолкнулся. Скользили лыжи неважно, не столько на езде, сколько на ходьбу по лесу были

рассчитаны. Одно радовало — теперь дорога прямая, и всё вниз, вниз с Подкатной горки.

Катюха, конечно же, дуется. Такой важный для нее вечер, такое ответственное выступление, а он!.. Эх, если бы не предательски заглохший трактор, если бы не гаражный сторож Митрич, если бы не... Разумеется, он постарается объяснить Катюхе, и, разумеется, она поймет. Но так или иначе — а вечер-то испорчен! Должен бы сейчас Колька Крюков сидеть в клубе села Светлый Клин, смотреть концерт с участием колхозной молодежи, переживать, не забудет ли Катерина длинный монолог Маргариты из «Дамы с камелиями»... Не успеть. Эх, кабы не трактор, кабы не сволочной односельчанин Митрич!

Вспыхнувшая над верхушками сосен луна, казалось, расширила путь-дорогу, но еще дальше отодвинула огоньки в окнах крайних домов. И хорошо, что светит точнехонько в спину, потому что смотреть на такую луну нет никакой возможности. Так ярко бывает на передвижных лесопунктах в ночную смену, когда крепят на стволах прожектора в тысячу свечей, когда таежный воздух белеет и густеет от электрического света, когда тени сжимаются в крохотные точки и испуганно подрагивают под рев бензопил и трелевочных тракторов. Впрочем, сейчас тень была, да какая! Протянувшись от Колькиных лыж через весь склон Подкатной горки аж до магазина в центре Светлого Клина. Тень кривлялась в такт Колькиным шагам, нелепо размахивала гигантскими руками, а вытянутая на добрый десяток метров голова елозила туда-сюда по далеким ступенькам магазина, будто стучалась в запертую дверь или намеревалась и вовсе высадить ее тараном.

Хоть и выглядела тень жутковато, Николай улыбнулся: «Не забыть бы рассказать Катюхе! Это через какое же расстояние я до нее дотягиваюсь!»

Чем меньше оставалось до клуба, тем больше он переживал. Не за себя, не за предстоящий разговор с обиженной девушкой и даже не за роль, которую она исполняла сегодня на сцене, — переживал за саму Катю. Каково ей не знать, где он? Каково гадать, почему он не пришел? Мечется, бедняжка, за кулисами, места не находит. А если концерт уже кончился — так, может, и плачет в

уголке и прислушивается тревожно: не Колькин ли трактор взрыкивает на улице? А трактор-то... того. Гадский Митрич!

Свет в окнах клуба был, и даже музыка какая-то едва слышно доносилась, но уже шагов за двадцать Николай понял, что концерт давно окончен: в «лыжном» сугробе обочь крыльца отсутствовал всякий инвентарь. Значит, зрители уже разошлись-разъехались по домам. Николай отстегнул ремешки лыж, сграбастал их вместе с палками охапкой, но втыкать в сугроб не стал, прислонил к стене рядом с окном. Разгоряченное бегом тело щедро отдавало тепло, пот тек по лицу, от полушубка шел пар. Нельзя в таком виде перед людьми показываться, некрасиво это. Он снял шапку, отер ею лоб, слизнул капельки над верхней губой, негнуцимися пальцами пригладил мокрые волосы — прихваченные морозом, они вмиг затвердели.

Сквозь двойное стекло, обрамленное изнутри слоем изморози, были видны расплывчатые силуэты. Вертясь так и этак, Николай попытался разглядеть тех, кто остался после концерта. Будучи жителем другого села, он не боялся нарваться на неприятности — местные парни дружелюбны, по уху зазря не съездят. И тем не менее: никогда не помешает прояснить расстановку сил.

Лавки, образывавшие зрительские ряды, были уже сдвинуты к задней стене — обычно так освобождали место для танцев. Но сегодня цель была иной: в центре зала разместили несколько столов, включая спущенный со сцены «президиумный», покрытый зеленым сукном. На столах — тарелки со снедью, пузатый графин с чем-то красным и самовар. Похоже, артисты решили устроить банкет в честь удачно прошедшего концерта.

Лицом к окну сидел Мишка-гармонист, его верная тальянка примостилась на соседнем стуле — отдыхала от виртуозно исполненного чардаша, вслушиваясь в такты вальса. Справа от Мишки сидели трое знакомых парней — какой номер они исполняли на концерте, Николай не знал. Напротив них, спиной к окну, расположились девчата в народных костюмах. У «президиумного» стола восседал Петр Красилов, тракторист, хорошо читающий со сцены стихи Маяковского, — Петр, в отличие от прочих за столом не ел и не пил, с серьезным видом листал газету. Возле сдвинутых лавок,

кружась, обжималась незнакомая парочка — городской хлыщ в черном костюме и коренастая девица в блестящем «буржуйском» платье. Кто они такие, можно было только догадываться: возможно, чьи-нибудь родственники, случайно попавшие на празднество; возможно, высокие гости из района — Катюха говорила, что ждут кого-то то ли из райкома комсомола, то ли из филармонии. Николай неодобрительно цыкнул зубом — парочка только делала вид, что танцует, а на деле ни в один такт не попадала. Музыка стала для них лишь поводом поприжиматься, лица танцоров были неприлично близко, а руками они беспрестанно елозили по спинам друг друга — срамота! И это называется — городская интеллигенция! Да если бы кто-нибудь из деревенских себя так повел — запозорили бы односельчане, безо всяких комсомольских собраний такой выговор впаяли бы!

Катюхи видно не было. Проведя ладонью по покрывшейся инеем щеке, Николай переместился к другому окну. Взгляду открылась пустая сцена, рядом — столик с граммофоном. Возле столика перебирали пластинки завклубом Зина и бригадир мотористов бензопил Бухаров. Зина, конечно же, планирует поставить липси, а Бухаров требует чего-нибудь поэнергичнее.

Мороз пробрался под полушубок, и Николаю вдруг захотелось оказаться в натопленном клубе, выпить стакан чая, а может, и попробовать багряное содержимое пузатого графина. Вот только повода зайти в клуб не осталось — Катерина явно не стала задерживаться на банкете.

Если она ушла домой, вызвать ее станет большой проблемой — отец уж больно строгий. И все же увидеться было необходимо. Не столько даже ради объяснений, сколько для Катюхиного успокоения — ведь переживает она из-за сегодняшнего Колькиного отсутствия, сильно переживает! Потому и не в клубе сейчас, не с друзьями-артистами. Скорее всего сидит расстроенная, сложив руки на коленях, провожает невидящими глазами стрелки часов на стене своей комнатки... Значит, надо идти.

Николай вернулся к тому окну, возле которого оставил лыжи, кинул завистливый взгляд на празднующих в тепле — да так и застыл. Натанцевавшаяся парочка как раз возвращалась за стол.

Холеный франт был уверен в себе и предупредителен, золотая оправка узких очков (все же не из райкома он, видимо, а из филармонии) победно сияла на тонкой переносице, довольная улыбка растянула бледные губы, изящная, едва ли не женская рука аккуратно придерживала локоток спутницы. Спутница тоже была явно довольна — блеск в глазах, раскрасневшиеся щеки, частое от волнения дыхание. Коренастая — ну так что с того? Местные девушки все чуть-чуть коренасты. Зато красивая. И наверняка талантливая, раз уж городской франт обратил на нее внимание. И ласковая. Настолько ласковая, что не смогла дать отпор хлыщу, когда он принялся гладить ее по спине во время танца, послушно приблизилась в ответ на его движение. А может, свою роль сыграло «буржуйское» платье сценической Маргариты? Меняется одежда — меняется человек?

«Убью! — думал Николай, леденя под окном. — Убью обоих!»

А больше ни о чем не думалось. Подняв руку, он вцепился зубами в рукав полушубка. Воняло табаком, солидолом, псиной и потом — Николай вновь принялся потеть, несмотря на стужу. Горячая дрожь прошла по телу раз, другой, а вместе с нею накатило что-то еще, незнакомое, дикое, звериное...

За спиной, закрыв на миг лунный свет, что-то мелькнуло. Рефлекторно обернувшись, Николай впился взглядом в огромный яркий диск, сияющий над Подкатной горкой. Сморг-

гнув предательскую слезу, Колька вдруг
упал на колени и, кажется,
отключился.

